

Л. ВИТГЕНШТЕЙН: «ТАЙНА» И «МИСТИКА» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЦЕННОСТНОГО СОДЕРЖАНИЯ НАУКИ

© В.П. Барышков

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Санкт-Петербург, Россия
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию: 27.11.22

В окончательном варианте: 01.12.22

■ Для цитирования: Барышков В.П. Л. Витгенштейн: «тайна» и «мистика» в интерпретации ценностного содержания науки // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 4. С. 77–82. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.4.8>

Аннотация. В философии Л. Витгенштейна различаются и соотносятся концепция жизни и концепция мира как стороны дихотомии «человек — наука», при том что позиция мыслителя традиционно рассматривается в русле философии анализа и позитивистской методологии науки. Проведенный критический анализ литературы и предложенная интерпретация взглядов философа показывают, что идеи Витгенштейна выходят за границы рассмотрения научного разума и языка науки в область культуры. С другой стороны, некоторые его идеи позволяют сделать вывод и об обратном влиянии культуры посредством «экспертно-оценочной» функции философии по отношению к высказываниям науки.

Ключевые слова: мир; переживание; чувствование; ценность; наука; язык; логика; кинематографическое мышление; смысл; понимание.

L. WITTGENSTEIN: «MYSTERY» AND «MYSTICISM» IN THE INTERPRETATION OF THE VALUE CONTENT OF SCIENCE

© V.P. Baryshkov

Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, Saint Petersburg, Russia
Saint Petersburg State Institute of Cinema and Television, Saint Petersburg, Russia

Original article submitted: 27.11.22

Revision submitted: 01.12.22

■ For citation: Baryshkov V.P. L. Wittgenstein: «mystery» and «mysticism» in the interpretation of the value content of science. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(4):77–82. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.4.8>

Abstract. In L. Wittgenstein's philosophy, the concept of life and the concept of the world as sides of the «man — science» dichotomy differ and correlate, despite the fact that the position of the thinker is traditionally considered in line with the philosophy of analysis and the positivist methodology of science. The conducted critical analysis of the literature and the proposed interpretation of the philosopher's views show that Wittgenstein's ideas go beyond the boundaries of the consideration of scientific reason and the language of science into the field of culture. On the other hand, some of his ideas allow us to draw a conclusion about the reverse influence of culture through the «expert evaluation» function of philosophy in relation to the statements of science.

Keywords: world; experience; feeling; value; science; language; logic; cinematic thinking; meaning; understanding.

В философии Л. Витгенштейна можно различать концепцию мира и концепцию жизни. Концепция мира отождествляет мир с логической структурой фактов, мысли и языка. Концепция жизни производна от человека, который полагает границу мира и сам есть его граница. Ценностному (этическому) содержанию в концепции жизни Л. Витгенштейна присуща «мистика». Но насколько ценностное (этическое), «человеческое» содержание присуще науке? Правомерно ли вообще так ставить вопрос? На первый взгляд, подобная попытка кажется негодной, поскольку антитезой сказанному ясно выступает невянытица, размытость, бессмысленность, как бессмысленны проблемы метафизики. В то же время проблемы науки, вернее, языка науки могут и должны рассматриваться философией. Вопрос для нас состоит в том, насколько невыразимое (не бессмысленное) в философии включается в науку при выполнении ею своих функций по отношению к науке.

Соотношение человека и научного познания в философии Л. Витгенштейна — один из существенных вопросов. Различные модели дихотомии «человек — наука» в философии Витгенштейна рассматриваются исследователями в диапазоне от «стремится подчеркнуть ограниченность науки» до «разрушителя философских концепций».

Но почему, если область жизни человека далека от высказываний науки, в рамках такого духовного явления, как Витгенштейн, они соседствуют? Исследователи отмечают принципиальную позицию Витгенштейна по отношению к познанию: факты в «Логико-философском трактате» ограничены «мистическим», т. е. тем, что невыразимо и представляет собой интуитивное созерцание мира в целом — «о том, что нельзя высказать, следует молчать». В «Логико-философском трактате» афоризм 6.45 (в переводе М.С. Козловой) гласит: «Созерцание мира с точки зрения вечности — это созерцание его как целого — ограниченного целого. Переживание мира как ограниченного целого — вот что такое мистическое» [2, с. 72].

Разумеется, есть различие между «интуитивным созерцанием мира в целом» и «чувствованием», «переживанием» мира как ограниченного целого. Мир в целом и мир как целое различаются тем, что «в целом» — означает мир вообще, исчерпывающее содержание мира, в то же время мир как целое, тем более ограниченное целое, выражает обособленность, от-граниченность некоторого качественно единого сегмента. Именно констатирование в мире некой качественности (смысла) через чувствование и переживание, а не узрение его единства как существующего, есть мистическое. Витгенштейн стремится «показать, не комментируя, процесс оформления чувства» [5, с. 151].

Откуда, задается вопросом З.А. Сокулер, — происходит сама идея о том, что возможности предложений ограничены, что в них нельзя выразить самое ценное и важное для человека? [4, с. 73]. Речь идет о невозможности познать и выразить жизнь средствами науки и на ее языке, на чем настаивала философия жизни. То же самое показывает и Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате»: «жизнь» не может быть высказана предложениями. Она относится к сфере того, что может быть только показано. Сфера того, что может быть только показано, но никак не высказано предложениями с точным и определенным смыслом, открывает пространство, в котором должна действовать способность понимать то, что показывает себя. Л. Витгенштейн,

таким образом, основное внимание уделит не истинности и достоверности высказываний, а пониманию языковых предложений. При этом, как утверждают исследователи, он был против понимания как духовного процесса.

Итак, наряду с фактами существует невыразимое; оно «сверхъестественно» и может быть только показано; оно невыразимо в предложениях, но само выражает (обозначает) нечто — то, о чем следует молчать; первое и второе между собой связаны: и то и другое — язык (язык науки и язык кинематографа, например).

В «разрозненных заметках», собранных фон Вригтом по рукописям Л. Витгенштейна и известных под названием «Культура и ценность», приоткрывается то нечто, о чем следует молчать. «Вечное и важное для человека часто таится под непроницаемым покровом, — писал философ. — Он знает: за ним скрывается что-то, но не видит этого. Покров отражает дневной свет» [1, с. 485]. Таким образом, человек уводится Витгенштейном в область тайны, невыразимого. При этом он уделяет значительное внимание эстетическим и этическим сторонам мира.

Ряд идей Л. Витгенштейна, уже традиционно обсуждаемых в отечественной философской литературе, имеет непосредственное отношение к проблеме ценностей. Мыслитель писал, что «хорошее учение не обязательно должно увлечь человека, он может следовать ему, как предписанию врача. Но в какой-то момент тебя может что-то увлечь, и ты совершенно преобразишься» [1, с. 460].

Ассоциация с врачебной практикой принята в гносеологии при демонстрации экзистенциально-заинтересованного познавательного отношения. Одно дело врач, диагностирующий, например, онкологическое заболевание у пациента, и другое дело, тот же врач, обнаруживший тяжелое заболевание у себя. В первом и во втором случаях отношение медика к своему знанию, а значит, и смыслы этого знания о специфическом анамнезе существенно различаются. Таким образом, смыслы предметного знания и выражающих его языковых высказываний лежат в областях, запредельных предложениям языка.

То же относится к дидактическим рекомендациям по логике и другим «формальным» наукам — арифметике, геометрии. Можно длительное время тщетно подступаться к их предметному содержанию (что зачастую и случается в школе), пока не откроются, если вообще откроются, некоторые алгоритмы, ставшие результатом внимательного, заинтересованного отношения. В логике, например, этот процесс связан с подбором внятных источников для исходного освоения. Неизменным остается обнаружение некоего ключа, применив который, раскрываются «врата» смысла, после чего кажется очевидным то, что прежде не поддавалось пониманию.

Мудрость бесстрашна, замечает Л. Витгенштейн, тогда как вера — это страсть. Мудрость — нечто холодное и с этой точки зрения глупое. Мудрость просто утаивает от тебя жизнь. Она — как холодный серый пепел, прикрывающий жар. Так не бойся сказать бессмыслицу! — призывает философ. Нужно только, чтобы ты прислушался к своей «бессмыслице» [1, с. 463–464]. Зададимся вопросом: что значит прислушаться к тому, что говоришь? Исходя из контекста, философ имел в виду тот самый жар страсти, который находится под

пеплом мудрости. В мудрости и через мудрость проявится страсть. Зная толк в науке и вполне отдавая ей должное, отмечает М.С. Козлова, Л. Витгенштейн считал куда более высокой ценностью жизнь людей, тот вненаучный опыт, что и задает человеческую доминанту, осмысленность всем действиям, поступкам, помыслам людей [3, с. 96].

В связи с таким истолкованием Витгенштейном деятельности становится явной ассоциация с процедурой понимания смысла, и в этом отношении возникает параллель с герменевтикой. Подобная ассоциация может быть проиллюстрирована примером с кинофильмом Федерико Феллини «8 с половиной» (1963 г.) и сценой у фонтана, когда очередь, состоящая из стариков, очень долго (по меркам кинематографа) продвигается к фонтану, буквально два шага вперед, шаг назад. Просмотр этого фрагмента создает впечатление досадной затянутости сцены. И вся кинокартина окрашена в тона заунывной тоскливости.

Советский актер и режиссер Ролан Быков, касаясь в одном из интервью своих впечатлений от этого фильма в связи со становлением его собственного отношения к режиссерскому мастерству, рассказал следующее. Р. Быков пересматривал этот фильм Ф. Феллини около двадцати раз, стремясь понять его смысл, в том числе и упомянутой сцены. В результате он понял, что эти люди подвигаются к смерти.

Действительно, после пришедшего к Р. Быкову и переданного им понимания, становится ясной неуклонная трагичность показанной в фильме очереди. Отношение к этому эпизоду, да и ко всему фильму, меняется коренным образом, возникает глубокий содержательный слой в просмотренной сцене (как факте¹). По словам французского режиссера Трюффо, в кинематографе атомарные факты, в своем простейшем, физически достоверном виде репрезентируют то или иное действие и в то же время открывают сокровенное, таящееся где-то на стыке этих действий [5, с. 151]. Иносказательными средствами в кинематографической фактичности передан метафизический смысл. Разумеется, такая форма не подходит науке, но широко используется в культуре.

Витгенштейн различает между собой религию, философию и науку. Философия, не способна к формулированию осмысленных предложений, однако имеет определенную функцию по отношению к науке: избавляет ее от путаницы. В этой функции философия схожа с эстетикой, когда философия подмечает, что не так в высказываниях науки. «Своеобразное сходство философского исследования (особенно, пожалуй, в математике) с эстетическим (например, что неладно в этом костюме, как он сидит и т. д.)» [1, с. 435].

Таким образом, связь между философией и наукой Витгенштейном прописывается по крайней мере в экспертно-функциональном, а значит, далеко не маловажном отношении. Что же позволяет философии выступать в такой функции? В афоризме 4.002 «Логико-философского трактата» читаем: «Язык переодевает мысли. Причем настолько, что внешняя форма одежды не позволяет судить о форме облаченной в нее мысли; дело в том, что внешняя форма

¹ Факт у Витгенштейна представлен не как совокупность вещей и предметов, а как «момент» логически упорядоченной структуры, существование событий, соединение объектов.

одежды создавалась с совершенно иными целями, отнюдь не для того, чтобы судить по ней о форме тела» [2, с. 18].

Когда речь идет о религии, Витгенштейн трактует ее природу и функции через обращение к характеристике религиозной веры. Бороться, надеяться и даже верить, считал он, — можно и без того, чтобы верить научно. Возможна религиозная вера, представляющая собой один лишь страстный выбор системы ориентаций. Оставаясь верой, она вместе с тем была бы и образом жизни или способом суждения о жизни [1, с. 470]. Существенно само упоминание в данном комментарии выбора системы ориентаций. Именно выбор, вернее, основания выбора, собственно способность выбора, есть способность ценения. Ценность есть не содержательная система ориентаций, а формальная способность произвести выбор той или иной ориентации.

Вера в науку и религиозная вера по содержанию различны, однако формальная сторона веры, ее структура остаются общими. Другое дело — научная вера, вера в науку (верить научно). Здесь, кажется, не остается места «страстному выбору системы ориентаций», вера не становится жизнью. На основании веры невозможно сформировать способ суждения в науке. Это бесспорно. Система аргументации в науке основана на логике. Тем не менее выбор и страсть, ценностный выбор такого способа суждения, как научная аргументация, наконец, преданность идеалам науки, представляют собой результат действия ценностных ориентаций. Это не область научного знания, но область отношения к научному знанию. В «снятом» виде, имплицитно такое основание заключено в научном способе суждения.

Можно заключить, что страстный выбор системы ориентаций вполне допустим и возможен в предпосылках собственно научной деятельности как момент понимания, а скорее, как момент самопонимания.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Культура и ценность. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / пер. М.С. Козловой, Ю.А. Асеевой. Москва: Гнозис, 1994. С. 407–492.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / пер. М.С. Козловой, Ю.А. Асеевой. Москва: Гнозис, 1994. С. 1–73.
3. Козлова М.С. «Разрозненные заметки» Людвиг Витгенштейна // Человек. 1991. № 5.
4. Сокулер З.А. «Жизнь и мир суть одно»: философия, логика и этика в «Логико-философском трактате» // Вопросы философии. 1998. № 5. С. 68–74.
5. Цыркун Н.А. Л. Витгенштейн и кинематографическое сознание. Философские идеи Людвиг Витгенштейна / под ред. М.С. Козловой. Москва: ИФРАН, 1996. С. 150–151.

References

1. Vitgenshtein L. Kul'tura i tsennost'. Vitgenshtein L. *Filosofskie raboty. Ch. 1*. Transl by Kozlova MS, Aseeva YuA. Moscow: Gnozis, 1994. P. 407–492. (In Russ.)
2. Vitgenshtein L. Logiko-filosofskii traktat. Vitgenshtein L. *Filosofskie raboty. Ch. 1*. Transl by Kozlova MS, Aseeva YuA. Moscow: Gnozis, 1994. P. 1–73. (In Russ.)
3. Kozlova MS. «Razpoznennye zametki» Lyudviga Vitgenshteina. *Chelovek*. 1991;(5). (In Russ.)
4. Sokuler ZA. «Zhizn' i mir su' odno»: filosofiya, logika i ehtika v «Logiko-filosofskom traktate». *Voprosy filosofii*. 1998;(5):68–74. (In Russ.)
5. Tsyркun NA. L Vitgenshtein i kinematograficheskoe soznanie. Kozlova MS, editor. *Filosofskie idei Lyudviga Vitgenshteina*. Moscow: ИФРАН, 1996. P. 150–151. (In Russ.)

Информация об авторе

Владимир Петрович Барышков, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры управления социальной сферой Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры медиакоммуникационных технологий Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: vladipetr@mail.ru

Information about the author

Vladimir P. Baryshkov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Social Sphere Management of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, St. Petersburg, Russia; Professor of the Department of Media Communication Technologies of the St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** vladipetr@mail.ru